

Наркомафия королевы Виктории

Category: Kitarcy, Taryhy makalalar

написано kitarcy | 23 января, 2025

Наркомафия королевы Виктории НАРКОМАФИЯ КОРОЛЕВЫ ВИКТОРИИ

Несмотря на бурные протесты европейской общественности (вплоть до королевского двора Нидерландов), в сингапурской тюрьме Чанги в сентябре 1994 года был повешен Йоханнес ван Дамм, предприниматель. А точнее – торговец наркотиками, арестованный с четырьмя килограммами героина. Почему же страны Юго-Восточной Азии (и не только коммунистические) продолжают казнить наркоторговцев? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к истории.

Отчего погибла Анна Каренина?

Понимание действия и сравнительной опасности веществ, вызывающих привыкание, пришло к человечеству не сразу. Любопытно с этой точки зрения перечитать классику. Мы встретим Шерлока Холмса, «окруженного горами своих старых книг, чередуя неделю увлечения кокаином с приступами честолубия, дремотное состояние наркомана с дикой энергией, присущей его натуре» («Скандал в Богемии»). А. Конан Дойл – врач по профессии – еще полагал, что человек с сильной волей, употребляя кокаин, может длительное время сохранять профессиональные качества и душевное здоровье по принципу: наркотики – отдельно, работа – отдельно. Спустя каких-то два десятилетия Михаил Булгаков, двойной коллега сэра Артура, уже понимал, что это нереально. Лев Толстой еще раньше показал разрушительное действие наркотиков – в романе «Анна Каренина». Читатели обычно не обращают внимания на эту сторону трагедии Анны, однако из текста ясно, что героиня, не выдержав унижений, выпавших на ее долю, постоянно принимала опиаты. Княжна Варвара жаловалась Вронскому, что «Анна без него принимала морфин» (т. 2, ч. 6, гл. 21). «Она... вернулась к себе и после второго приема опиума к утру заснула тяжелым, неполным сном...» (ч. 7, гл. 27). Самоубийство героиня совершает в

состоянии серьезного психического расстройства.

Галлюциногены или, иначе, психомиметики (наиболее известный – ЛСД) приводят здорового человека в состояние, напоминающее галлюцинаторно-параноидный синдром при шизофрении (далеко не всегда оно субъективно приятно). К галлюциногенам относят и алкалоид конопли тетрагидроканнабинол. Даже строгая советская психиатрия признавала, что «гашиш почти не вызывает физической зависимости... выраженных психических и соматических изменений не отмечается» (Справочник по психиатрии под ред. А.В. Снежневского. М., 1985, с.154). На беду любителей конопли, в новой фундаментальной работе И.Н. Пятницкой «Наркомании» (М., 1994) приводятся совсем другие клинические данные, более пессимистичные. Впрочем, проблема психомиметиков требует специального рассмотрения. Желающим без риска для жизни ознакомиться с этим синдромом можно рекомендовать также произведения Ст. Лема «Конгресс футурологов» и «Насморк».

Особенно быстро уничтожают человека снотворные – барбитураты и наркотические стимуляторы: «пробуждающие амины», современные их модификации типа «экстази», кокаин, который формально относится к местно-анестезирующим средствам, но по действию на психику близок к стимуляторам. Именно в таком качестве листья коки использовали на испанских рудниках в Америке – вместо зарплаты и нормального питания.

Наконец, опий – смесь алкалоидов опийного, или снотворного, мака (*Papaver Somniferum*), главный из которых – морфин. Упрощенная схема его действия такова. Существуют естественные регуляторы человеческих эмоций – нейропептиды, или так называемые «опиоидные пептиды», их микроскопические количества воздействуют на специальные рецепторы в лимбической системе мозга и коре. Морфин (и подобные ему наркотики) действуют на те же рецепторы, однако вводятся в несравненно больших дозах. И вскоре жертва обнаруживает, что ни одно «нормальное» удовольствие (от работы, карьеры, секса, еды) не может сравниться с наркотическим. Сложнейшая система, регулирующая эмоциональное поведение человека, ломается, как компьютер,

который начали регулировать кувалдой. Болезненное пристрастие формируется после 10-15 инъекций морфина. С героином бывает достаточно единственного эксперимента.

В местах, где традиционно культивировался опиный мак, его потребление регламентировалось обычаями и религиозными канонами, что сглаживало последствия. Китайцы оказались первым народом, испытавшим на себе действие опиума как общественного товара.

«Разлагающаяся полуцивилизация»

В первой половине XIX века крупнейшим на планете 300-миллионным народом правила маньчжурская династия Цин («Чистая»). Маньчжуры – кочевой народ с севера, воспользовавшийся смутой в Китае, чтобы захватить власть. Иноземная династия – явление в истории нередкое: Русью правили скандинавы, Англией – то франко-норманны, то шотландцы, то голландцы, а в описываемый период – немецкий Ганноверский дом, Швецией – потомки наполеоновского маршала Бернадота. Но особенность китайской истории заключалась в том, что завоеватели, сохранив многие традиции Поднебесной, сами выродились: разучились даже воевать. Китай вступил в период застоя – при кажущейся стабильности и даже величии по-своему красивого здания.

Ослаблением «разлагающейся полуцивилизации древнейшего в мире государства» (Ф. Энгельс) не могли не воспользоваться другие страны. В авангарде европейской колониальной экспансии стояла Англия. Однако даже она не имела сил для оккупации огромного Китая – и предпочла экономические методы эксплуатации ее населения. Был изобретен остроумный механизм. С середины XVIII века британская Ост-Индская компания контролировала опиумные плантации в Бенгалии. Их площади были резко увеличены. Устройство механизма совершенно ясно из схемы.

«Торговля рабами была просто милосердной по сравнению с торговлей опиумом, – признавал английский экономист Р. Монтгомери Мартин в 1847 г. – Мы не разрушали организм

африканских негров, ибо наш интерес требовал сохранения их жизни... А продавец опиума убивает тело после того, как развратил, унизил и опустошил нравственное существо».

С 1830 по 1837 г. английский экспорт опиума в Китай возрос с 2000 ящиков (весом около 60 кг каждый) до 39 000. Подобные масштабы не снились ни одному из современных наркокартелей. Наркоторговля вытесняла торговлю другими товарами, утечка серебра дезорганизовала финансы Цинской империи, миллионы китайцев, от простых кули до принцев всех 12 рангов, стали жертвами пагубного пристрастия. Сановники Цзян Сянань и Хуан Цзюэцзы с ужасом обнаружили, что среди служащих уголовной и налоговой палат больше половины наркоманов. Государственные институты, от системы искусственного орошения до привилегированных «восьмизнаменных» войск, разрушались и выходили из-под контроля. Это побуждало императорский двор время от времени запрещать торговлю опиумом и его курение. Однако единственный эффект суровых указов (точь-в-точь как в современной России) заключался в том, что росла плата за право их нарушать. Только в 1839 г. император Даогуан решился нанести наркобизнесу реальный ущерб.

Отважный мандарин

Императорским ревизором в особо неблагополучную приморскую провинцию Гуандун был назначен Линь Цзэсюй – этнический китаец, конфуцианский книжник. Он почитал предков и Небо, и в иностранцах видел варваров, нарушающих долг повиновения единственному законному государю на планете – китайскому императору. Что, впрочем, не мешало ревизору Линю интересоваться европейской наукой и выписывать из-за океана новые пушки.

10 марта 1839 г. в Кантоне началось изъятие опиума. Торговые суда, пытавшиеся скрыться с грузом, были перехвачены. Блокировав места проживания иностранцев, Линь Цзэсюй добился выдачи еще 20 000 ящиков с наркотиком. Возможно, какие-то данные и преувеличены (в соответствии с традициями цинского делопроизводства), однако известно, что на отмели Хумынь жгли

и топили в море изъятый опиум три недели. Современная китайская литература приводит такое количество: 1188 тонн. Утерев слезы, наркодельцы оценили свой ущерб в два с четвертью миллиона тогдашних фунтов стерлингов.

Ревизор оказался неплохим дипломатом. За добровольно сданный опиум он стал выдавать компенсацию чаем, весьма ценившимся в Европе. А иностранным купцам объявил, что не покушается на честный бизнес, но каждый должен дать подписку, что не станет ввозить опиум. Нарушивший клятву подлежит смертной казни.

Некоторые англичане пошли на компромисс. Схема наркоторговли начала разрушаться. Но это затрагивало интересы не отдельных лиц, а всей Британской империи. Ведь серебро, которым несчастные китайцы оплачивали собственную мучительную смерть, служило важным источником накопления капитала. От него зависела не только роскошь правящих классов, но и модернизация промышленности, а также рост жизненного уровня трудящихся, позволивший Англии посрамить Маркса и избежать разрушительных революций на своей территории. Поэтому официальный представитель Британской короны в Гуандуне Ч. Эллиот направил военные корабли – перехватывать в море тех купцов, которые соглашались дать вышеупомянутую подписку. В ноябре у форта Чуаньби произошло первое вооруженное столкновение между английскими и китайскими моряками. Оно не принесло успеха «владычице морей». И в апреле 1840 г. парламент в Лондоне принимает официальное решение о войне с Китаем, направляет туда экспедиционный корпус другого Эллиота – Джорджа – и одной из главных целей войны объявляет взыскание с китайского правительства убытков за наркотики, уничтоженные Линь Цзэсюем.

В это самое время, в правление королевы Виктории, в Англии утвердилась образцово-показательная мораль, которая вошла в историю как «викторианская»: слово «проклятый» в публикациях заменяли точками.

Война велась своеобразными методами. Англичане ночью отправляли к побережью лодки, украшенные соответствующей

рекламой, и предлагали всем желающим наркотики за треть цены, чтобы окончательно разложить и без того не слишком дисциплинированную цинскую армию. В свою очередь китайцы объявили награду в 100 юаней за каждого «белого дьявола», а за «черного дьявола» (то есть чернокожего слугу) половину этой суммы.

Линь Цзэсюю пришлось воевать даже не на два, а на три фронта. Придворная аристократия, вовлеченная в торговлю опиумом, атаковала императора жалобами на гуандунского «экстремиста» и почтительными просьбами проявить «миролюбие», то есть капитулировать. Она старалась исключить даже минимальную возможность победы собственных войск. Одновременно под лозунгом «Смерть дьяволам!» развернулось движение за прекращение каких бы то ни было контактов с иностранцами, независимо от того, торгуют ли они опиумом. Эти национал-патриоты своими глупостями и жестокостями сводили на нет дипломатию Линя, который пытался противопоставить «хороших варваров» «плохим». Убивая ни в чем не повинных иностранцев, женщин, миссионеров или своих же соотечественников, принявших христианство, они дискредитировали Китай в общественном мнении Европы и Америки, где далеко не все одобряли торговлю опиумом. Император Даогуан подписывал указы попеременно в пользу то одной, то другой клики – а Линь Цзэсюй тем временем не мог добиться денег из казны даже на чай, обещанный купцам. Более подробно вся эта печальная история рассмотрена в статье, опубликованной в № 4 журнала «Забриски Rider» за 1996 г.

Капитуляция перед наркомафией была предрешена в ноябре 1840 г. императорским указом, который остается вершиной юридической мысли, не превзойденной даже в России 90-х годов XX века: поскольку-де невозможно представить себе, чтобы китайцы не повиновались своему императору, – значит, наркотики они уже не курят. Цели же указа о запрете опиума, с которым Линь Цзэсюй поехал в Кантон, таким образом, достигнуты, и нет никакой необходимости в продлении его действия.

Англичане блокировали Кантон и другие южные порты, в июле 1840

г. захватили Динхай, а в августе появились в Тяньцзине, в непосредственной близости от столицы империи. Китайские армии, вооруженные мечами, пиками и луками, в лучшем случае – допотопными мушкетами, оказались небоеспособны, они сдавали небольшим отрядам англичан прибрежные форты и города один за другим. Вина за поражения была возложена на Линь Цзэсюя: он был отстранен от должности и сослан в отдаленную провинцию Синьцзян.

Сейчас рвы, где сжигали отраву, превращены в живописные пруды, обсаженные плакучими ивами. Над ними – музей. А на площадке перед музеем стоят шесть старинных орудий и бронзовая статуя Линь Цзэсюя.

Гибель империи

29 августа 1842 г. Цинская империя капитулировала, подписав Нанкинский договор, предусматривающий открытие для английской торговли пяти портов, включая Шанхай и Кантон, выплату контрибуции в 21 миллион серебряных юаней (около половины составляло возмещение за опиум), передачу Англии острова Сянган (часть территории нынешнего Гонконга). Победитель проявил благородство: обещал прекратить импорт отравы. Однако Нанкинский договор содержал положение о консульском судопроизводстве (то есть об изъятии из-под действия китайских законов) не только для английских граждан, но и для китайцев, которые на них работают. Таким образом, побежденные лишились всякой возможности проконтролировать, выполняет ли Англия свое обещание. Вскоре по английскому образцу подписали свои договоры с Китаем Франция и Соединенные Штаты. Импорт опиума достиг в 1850 г. 52 925 ящиков.

В том же году на юге началось восстание тайпинов, которые отвергли не только «Конфуция ради Нового Завета», как с негодованием писали цинские чиновники, но и опиум. Курительную трубку их вождь, деревенский учитель Хун Сюцунь сравнил с мушкетом, из которого человек стреляет в самого себя. Тайпины всерьез рассчитывали на христианскую солидарность европейцев.

В 1856 году начинается 2-я Опиумная война. Европейские державы рассчитывали «выжать» из дряхлой империи новые привилегии, в частности – обеспечить свободный вывоз оттуда дешевой и бесправной рабочей силы – кули, которые должны были заменить чернокожих рабов-африканцев. В марте 1857 г. в войну вступила Франция, в декабре пал Кантон, в мае 1858 г. – Тяньцзинь. После ожесточенных боев у фортов Дагу (едва ли не единственный случай серьезного сопротивления цинской армии) англо-французским войскам был открыт путь на Пекин. Разбив 21 сентября 1860 г. отборную императорскую конницу, они вошли в столицу, где сожгли дворец вместе с бесчисленными сокровищами древнейшей культуры. То, что было вынесено в ходе грабежа, сохранилось для человечества в музеях и частных коллекциях Европы.

По новому мирному договору Цинская империя фактически перестала существовать как самостоятельный субъект международных отношений. Хотя ее сановников больше беспокоил вопрос о том, будут ли европейские дипломаты соблюдать церемонии, обязательные при дворе Сына Неба.

Теперь великие державы были кровно заинтересованы в сохранении маньчжурской династии – и это решило судьбу китайских христиан-тайпинов. Сначала их истреблением занялась объединенная маньчжурско-европейская армия, названная по-восточному цветисто «Всегда побеждающая», но возглавляемая американцем Ф.Т.Уордом. А в феврале 1862 г. на совещании консулов в Шанхае было принято решение о прямой военной интервенции. Регулярные войска во главе с английским адмиралом Хоупом и французским – Протэ, а также военная техника: нарезные ружья, гаубицы и горные орудия, ракетные станки и пять пароходов – сыграли решающую роль. 19 июля 1864 г. маньчжуры и их союзники овладели тайпинской столицей Нанкином, перебив в городе около 100 тысяч человек.

Кстати, история Сингапура, где начался наш рассказ, демонстрирует поразительные параллели. В 1819 г. там высадился британский губернатор Т.С.Б. Раффлз, сам назначил одного из

джохорских принцев султаном и у него же за 5 тысяч испанских долларов купил Сингапур. И уже в 1820 г. там открываются четыре лавки по торговле опиумом. В книге «Сингапурские этюды» (М.: Наука, 1982) Ю.Б. Савинков не без иронии комментирует:

«Раффлз, хотя и не был сторонником опиумокурения, вмешиваться не стал, полагая, что в результате протестов общественности их закроют. Он очень радел за свободу торговли и свято соблюдал принцип невмешательства в любую ее сферу».

В 40-х гг. прошлого века налоговые поступления от наркоторговли уже покрывали все издержки администрации, «включая расходы на содержание войск».

Опиум послужил своего рода тараном, чтобы открыть китайский рынок для европейской торговли, в то же время не допуская формирования конкурентоспособной промышленности (и вменяемого правительства, которое могло бы модернизировать страну). Но по мере того как европейцы становились хозяевами Поднебесной, специфическая ориентация торговли вызвала растущую критику, особенно со стороны своих же фабрикантов.

«Препятствием является вовсе не отсутствие спроса в Китае на английские товары... Плата за опиум поглощает все серебро, к большому ущербу для общей торговли китайцев... у фабрикантов нет перспектив торговли с Китаем»

– такие комментарии появились в английской и американской прессе. Опиум в европейской торговле с Китаем начали постепенно вытеснять «нормальные» товары. Но было поздно. Подданные Цинской империи, уже неспособные существовать без ежедневной дозы, сами начали возделывать опийный мак – вместо чая и риса, который к концу века приходилось ввозить. Свержение маньчжурской династии в 1911 г. не внесло в эту ситуацию существенных изменений.

Бессмертна ли мафия?

К середине нашего столетия в Китае, пребывавшем в состоянии непрерывных междоусобий, под опиум был занят миллион гектаров,

а только официальное число наркоманов составляло 20 миллионов человек.

Справиться с бедствием смогли коммунисты, отличавшиеся от своих противников решительностью, строгой дисциплиной и верой в «революционные идеалы». И как бы мы ни относились к этим идеалам, принятым в феврале 1950 г. – сразу же после победы коммунистов в гражданской войне, – антиопиумный закон нельзя не признать великой заслугой КПК пред китайским народом. Как сказал Иосиф Бродский, «зло существует, чтоб с ним бороться, а не взвешивать в коромысле...» Конечно, методы проведения «кампании за полную ликвидацию яда» не назовешь гуманными. По официальным (видимо, заниженным) данным, 80 000 человек было арестовано, каждый сотый из них – расстрелян. Однако в результате столетняя система организованной наркоторговли оказалась сломана. КНР доказала миру, что это зло не носит мистического характера. Его можно победить.

«В мире, наверное, нет ни одной нации, которая, как китайцы, испытывала бы глубокое отвращение к опиуму», – писал Сяо Фэн в статье «Борьба с наркотиками» («Китай», 1990, № 9). Законы КНР на Западе считают негуманными, но заметьте – нравоучения поступают именно оттуда, откуда десятилетиями доставлялись наркотики. И даже если считать, что китайская статистика вдесятеро занижает число преступников, пытавшихся возобновить дело королевского корсара Эллиота и за это расстрелянных, – все равно их число не идет ни в какое сравнение с общим количеством жертв наркомафии (умерших от передозировки, от болезней, связанных с наркоманией, жертв преступлений, совершенных наркоманами и наркодилерами) хотя бы в США. Где же больше гуманизма?

Героин, кокаин и разнообразная синтетическая отравка продолжают оставаться общедоступным товаром, и счет жертв идет на миллионы. В крупных городах США (а теперь уже Англии и Франции) появились целые районы, практически выпавшие из-под контроля правительства. Там, в семьях безработных и иммигрантов, живущих на пособия, наркомания становится

потомственной.

Борьба полиции с мафией очень эффективна на экранах телевизоров. Но слово «борьба» можно понимать по-разному. Академическая дискуссия – тоже борьба, равно как и поединок на ринге или матч по футболу. Однако тот же футболист совершенно иначе будет бороться с бандитами, ворвавшись в дом, чтобы вырезать его семью.

Именно так англичане и американцы сражались с Гитлером и его агентурой. Судебные процессы над нацистами не продолжались по десять лет с бесконечными кассациями, обвиняемых не освобождали под поручительство ближайшего отделения НСДАП, а зондер-командам не позволяли приезжать из Германии в США, чтобы среди бела дня расправляться с ненужными свидетелями. Все поправки к Конституции США не защитили проживавших в США японцев от массового интернирования по одному только подозрению в том, что среди них могут находиться агенты неприятеля. Мы не слышали, чтобы во время «Бури в пустыне» жителям Багдада перед бомбардировкой разъясняли их права и сбрасывали вместе с бомбами адвокатов.

Так называемые «тяжелые наркотики»: морфин, героин, кокаин, синтетические стимуляторы – представляют собой средство уничтожения людей. Распространять их – то же самое, что распространять в городе радиоактивные изотопы, отравлять водопроводную воду или подкладывать бомбы в кинотеатрах. Тот, кто это делает, – убийца.

К сожалению, наркотики для многих стали атрибутами «свободы», элементом «контркультуры». Лучше прожить до 30 лет свободным, чем до 70 уныло тянуть ляжку! Действительно, каждый вправе решать самостоятельно, когда и от чего ему умирать. Однако человек, неспособный жить без наркотика, неизбежно становится рабом того, кто наркотиком торгует. А это рабство более жестокое и унижительное, чем на строительстве пирамид или в ГУЛАГе. Ведь наркомафия – тоже своего рода государство (только очень примитивное), тоже аппарат насилия, тоже эксплуататор. И

его раб сам снимет с себя последнее, предаст лучшего друга, обворует родную мать – ради чьей свободы? Не своей, а того человекоподобного существа, которое на противоположном конце товарно-денежной цепочки будет покупать виллы, яхты и лимузины.

Реальность заключается в том, что практически каждый наркоман одновременно является распространителем и того, чем злоупотребляет и своего специфического образа жизни. Например, в Германии, по подсчетам организации «Белое кольцо», среднему потребителю героина его дневная доза обходится в 300 марок. Он может ее себе обеспечить, только вовлекая знакомых в наркоманию, – за счет «процента» с того героина, который им перепродает. Это так называемая «система снежного кома». Покупатель сам становится мелким дилером. Нечто подобное практикуют некоторые фирмы, торгующие парфюмерией и шарлатанскими снадобьями, – однако в данном случае речь идет о человеческих жизнях.

Проблема прав человека зачастую трактуется современными европейскими либералами как право безнаказанно причинять зло окружающим. Субкультурные сообщества наркоманов и гангстеров, тоталитарные секты и иные подобные группы заинтересованы в расширении своих рядов за счет прежде всего молодежи и подростков. Но у последних тоже есть права – прежде всего право оставаться нормальными здоровыми людьми.

Содержимое кейса, который привел на виселицу Йоханнеса ван Дамма, – это страдания и мучительная смерть для сотен сингапурских юношей и девушек. Сегодня эта конкретная, измеримая в граммах смерть от них отступила. Между тем опиумная война продолжается.

Илья Смирнов.

Опубликовано в журнале «Химия и жизнь» № 5, 1997. Taryhy makalalar